

Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски

© Н.Г. Багдасарьян, Р.В. Титов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Любая достаточно ушедшая вперед
технология неотличима от чуда.

Артур Кларк, английский писатель-фантаст

Виртуальные сетевые структуры: путь к гражданскому обществу или фактор социального риска? Отвечая на этот вопрос, авторы предприняли попытку осмысления социальных сетей как платформы для реальной и виртуальной мобилизации граждан, выражающих протестную активность; оценены возможности и риски данной платформы; предложены реальные шаги по решению проблемы нелегальных политических организаций, ведущих пропагандистскую деятельность в Интернете.

Ключевые слова: Интернет, информационные технологии, коммуникация, пропаганда, протест, сетевая структура, сетевые сообщества, социальные группы, социальные сети, электронные технологии.

Современные технологии и их проекция на социум. Современные информационные технологии выступают движущей силой процесса радикальной смены типов стратегии поведения, мышления и чувствования. Меняются такие базовые для любой культуры понятия, как пространство, время, знание. Новая реальность принципиально трансформирует характеристики коммуникации в современном обществе — объем, качество и скорость распространения информационных потоков, а также влияет на политическую коммуникацию, систему образования, семейные и иные социальные связи и функционирование социальных институтов в целом. Пожалуй, наиболее ярким явлением современного мира становятся виртуальные социальные сообщества. В них вовлечены миллионы людей: «Сети составляют новую социальную морфологию наших обществ..., а ключевые социальные структуры и деятельность их членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [1]. По некоторым данным, суммарная вовлеченность людей в социальные сети по всему миру достигает четверти населения Земли.

Несмотря на то что имеют место попытки теоретического осмысления роли таких сообществ в социокультурных процессах, долго-

срочные последствия их влияния (и позитивного, и негативного) все же не вполне очевидны. Ясно лишь то, что «распространение логики сетевых обществ изменяет способы производства продуктов, опыта, культуры, власти» [1]. Эта логика была задана вычислительной техникой. А включенные в ее обслуживание люди как бы подчинились ей и невольно стали воспроизводить этот тип распределенной коммуникации в профессиональной и в повседневной жизни [2]. Сетевая структура компьютерных программ, спроецированная на социум, начала структурировать его по своему подобию, создавая организационную матрицу. Подчеркнем: новые технологии делают возможным (структурно и организационно) создание и функционирование виртуальных социальных групп. Но они не могут наполнить эти структуры содержанием (хотя, судя по стремительному развитию электронных технологий в направлении «искусственного интеллекта», и такая возможность уже не за горами). Пока сообщества создают люди: с их представлениями о правильном и ошибочном, пониманием справедливости и стремлением к поиску единомышленников в решении насущных жизненных проблем.

Поскольку в современных обществах в связи с изменением иерархии в структуре собственности, возрастанием значимости интеллектуального продукта в сравнении с материальным размываются прежние социальные кластеры, обеспечивавшие ощущение принадлежности и идентичности, то возникла объективная потребность в формировании сообществ на иных основаниях — профессиональных, этнических, конфессиональных, возрастных, гендерных и др.

Обратим особое внимание на критерий, связанный с системой ценностей, представлений, мировоззренческих и поведенческих кодов и мотиваций, который становится основой гражданских социальных отношений и социокультурной идентичности. Объединение вокруг такого критерия (особенно в периоды политической нестабильности) смещает на периферию иные структурирующие сообщества признаки. Основные причины такой трансформации — эмоциональная нагруженность этой сферы, стремление людей «драться за идею», не рефлексировав на предмет собственных стереотипов и мифологем, активно используемых манипуляторами, стоящими за их спиной. Тем более что сетевая структура делает возможной анонимность всех ее участников: каждый, кто имел дело с такими структурами, знает, что зачастую реальные люди выступают под масками аватаров. Возникает водораздел между личностью и ликом. В таком водоразделе «живет» безответственность. А за ней следует девиантность, проявляющаяся в самых разных формах — от хакерских до открыто криминальных [3, 4].

В этом смысле потенциал социальных сетей — безграничен. Разумеется, далеко не весь он может быть сегодня реализован в силу разных причин. Между тем «революционные» события последнего десятилетия: и «оранжевая революция — 2004», как и еще текущие события на Украине, «Twitter-революция — 2008» в Молдавии, «Арабская весна — 2011» на Ближнем Востоке и в Северной Африке свидетельствуют о том, что сетевые технологии играли и продолжают играть в них немаловажную роль. Так, исследование Dubai School of Government выявило значительное влияние Facebook и Twitter на развитие арабских протестов 2011 года [5].

Виртуальные сетевые структуры: путь к гражданскому обществу или фактор социального риска? Интернет — великое благо для мыслящей, отстаивающей конституционные свободы личности. Однако в иной плоскости свободы он становится фактором социального риска.

С одной стороны, выстраивание стратегии продвижения страны к гражданскому обществу, заявленное в качестве одной из главных целей современных общественных преобразований, предполагает сеть реальных и виртуальных организаций как «точек роста» такого общества, прежде всего в политической сфере. Деятельность таких организаций может служить индикатором настроений граждан (в том числе протестных), что в цивилизованном обществе учитывается при разработке стратегии взаимодействия власти с населением, дает импульс для изменений в действующих законах, совершенствуя законодательную и исполнительную власть.

В России механизмы подобного взаимодействия еще не выработаны, хотя имеются реальные примеры того, как проблемы, поднимаемые блогерами (например, плагиат в диссертационных работах; реформы образования и РАН и многие др.), становятся полем ожесточенных дискуссий в социальных сетях. Однако реакция власти на гражданские акции пока не отличается особой гибкостью. Приведем в качестве примера историю протестов против фальсификации выборов в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г. и президента РФ 4 марта 2012 г., когда Интернет был использован гражданами для политической мобилизации и организации виртуальных и реальных протестных сообществ.

Опросы российского населения показывают, что субъектами протеста являются в основном студенты и интеллигенция крупных городов: среди протестующих 69,7 % имеют высшее образование, что почти в 3 раза превышает средний показатель по стране [6]. Динамика протестных настроений, как правило, волнообразна и зависит от соотношения многих факторов. Так, по данным опроса Левада-центра, митинговая активность в 2013 г. снизилась по сравнению с 2012 г. [7], что может быть объяснено разочарованием их участников в эффек-

тивности выступлений в рамках правового поля. Однако это вряд ли означает общее снижение протестных настроений.

Новый факт в российских протестах — роль социальных сетей Facebook и «ВКонтакте» как площадок для политической мобилизации граждан и формирования публичной сферы. Степень активности этих сетей разная: несмотря на то что аудитория Facebook в десятки раз меньше, чем аудитория «ВКонтакте», количество участников акций протестов онлайн в Facebook значительно больше (около 164 тыс. пользователей против 107,8 тыс.) [8]. Это обстоятельство требует специального социологического исследования, однако очевидно, что основная причина активности заключается в более гомогенном социальном составе сетевого сообщества Facebook.

Вместе с тем именно репутация сетевого сообщества может послужить приманкой для деконструктивной социальной деятельности: во многих случаях подготовка к террористическим актам велась в социальных сетях. Так, своеобразным спусковым крючком к началу террористического акта 11 сентября 2001 г. в США стал призыв к действию, зашифрованный в фотографии кошки специальным алгоритмом, и данная фотография была опубликована в Facebook на аккаунте одного из главарей боевиков в качестве аватара [9].

Многослойность и гетерогенность современного российского общества проявляются в одновременном существовании разнородных пластов и множества элементов, которые с трудом укладываются в рамки традиционных типологий и классификаций. И поскольку социальные сети отражают (хотя и не зеркально) наличное состояние общества, «рядовому» гражданину, особенно молодому, весьма трудно ориентироваться в идеологической направленности и мировоззренческих позициях тех или иных сообществ. Поэтому они часто становятся участниками преступных схем.

И вот здесь являет себя другая сторона Сети, доминантой которой выступает категория риска [10]. Так, свободную возможность для пропагандистской деятельности получают политические организации, многие из которых не могли бы быть зарегистрированы на законных основаниях. Вот примеры организаций, ведущих антиконституционную пропаганду в сети: «Движение против нелегальной миграции», «Армия воли народа», «Национал-большевистская партия», «Духовно-Родовая Держава Русь», «Славянский союз», «Национал-социалистическое общество», «Русский общенациональный союз», «Северное братство», «Формат-18», «Автономная боевая террористическая организация», «Левый фронт» [15]. Уже сами названия свидетельствуют о националистической и экстремистской их направленности. Организации состоят в основном из молодежи, и их лидеры, играя на высокой протестной активности молодых людей современной России и патриотических чувствах, подстрекают рядо-

вых членов к совершению противозаконных действий. В основном это касается несанкционированных митингов, перерастающих в настоящие потасовки на улицах.

Один из важнейших уроков украинских событий последних месяцев состоит в том, что в отношении сообществ, объединенных идеей местного «национализма», нужно проявлять большую осторожность — вне зависимости от их конкретных политических и идеологических лозунгов. Прямая попытка объявить их противозаконными и на этой основе «закрыть» вопрос какими бы то ни было силовыми способами может привести к протестному взрыву. Но нельзя и равнодушно взирать на ростки, которые могут играть разрушающую и общество, и личность роль, разделяя окружение на «своих» и «чужих», иметь следствием рост агрессивности и напряженности.

Как противостоять вызовам электронных технологий? С развитием электронных технологий, дающих возможность с помощью смартфонов и повсеместного высокоскоростного беспроводного Интернета находиться в онлайн постоянно, коммуникация стала всеобъемлющей и безграничной. Она позволяет, не выходя из дома, получать образование, покупать книги и продукты, пользоваться благами культуры, общаться со своими друзьями, а также в мгновение ока приобретать наркотики и оружие, включившись в соответствующее сообщество.

Вопрос об ограничении доступа к определенным сайтам, провоцирующим агрессию и противозаконную деятельность, многократно поднимался на различных уровнях. Это особенно важно для защиты от нежелательной информации детей и молодежи. Однозначного решения у этого вопроса нет. Мы полагаем, однако, что весьма реально осуществление мер, которые позволили бы минимизировать опасные последствия сетевых коммуникаций.

Выделим три уровня мер: *технологический, правовой и социальный.*

В рамках *технологического уровня* нельзя обойтись без жесткого технологического контроля над деятельностью противоправных организаций. В настоящее время фильтрация незаконных и противоправных действий в социальных сетях происходит посредством заявок в виде жалоб пользователей. Этого, на наш взгляд, явно недостаточно. Необходима разработка системы для контроля, выявления и блокировки всех незаконных действий со стороны подобных организаций, представленных в Сети. Поиск может осуществляться с помощью специальных алгоритмов обнаружения нежелательных материалов. Такие алгоритмы разрабатываются и декодируются специалистами, которые могут быть объединены в рамках специального ведомства по контролю над противоправной пропагандистской деятельностью.

Осмысление *правовых норм*, действующих в сетевом пространстве, требует отдельного разговора, выходящего за рамки данной статьи. Соглашаясь со специалистами в том, что процесс адаптации общеправовых норм к сфере Интернета, как и создание специализированных правовых кодексов и юридических процедур, находится в стадии становления, констатируем лишь то, что общество, безусловно, заинтересовано в интенсивном продвижении по этому пути.

Что касается *социального уровня* регулирования сетевого пространства, то здесь следует более активно, чем это происходит сегодня, развивать весь комплекс уже разработанных мер информационной безопасности [5, 11—13]. В фокусе рассматриваемой проблемы протестного потенциала сетей можно в качестве противовеса сайтам деструктивных сообществ целенаправленно создавать такие сетевые сообщества (например, антитеррористические), которые были бы способны эффективно им противодействовать. Кроме того, зарегистрированные политические организации должны иметь официальные сайты и группы в социальных сетях, для того чтобы люди имели возможность самоопределиться в политическом поле, используя официальные (а не сомнительные) источники информации. Возможно даже, что вскоре сами сайты будут включены в модернизированные социальные сети, что приведет к упорядоченности информации, ее категоризации и, соответственно, облегчит контроль над деятельностью такого ресурса.

Итак, социальные сети перестали быть лишь средством коммуникации, их можно по праву назвать самой правдоподобной, практически реализуемой моделью социума. Но, в отличие от реального социума, эти социальные группы пространственно (географически) не ограничены, абсолютно добровольны, в них преобладают горизонтальные связи, конкурирующие с принципом вертикально-иерархических структур подчинения. Это создает уникальные с точки зрения протестной социальной коммуникации возможности, которые для реального общества и для реальных людей могут служить во благо, а могут — во зло.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*: пер. с англ. О.И. Шкаратан, науч. ред. Москва, ГУ ВШЭ, 2000.
- [2] Ивницкий В.А. *Теория сетей массового обслуживания*. Москва, 2004.
- [3] Бондаренко С.В. *Социальная структура виртуальных сетевых сообществ*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004, с. 196–210.
- [4] Войскунский А.Е., ред. *Гуманитарные исследования в Интернете*. Москва, Можайск-Терра, 2000.
- [5] *Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter*, 2011.
URL:http://www.dsg.ae/portals/3/DSG_Arab_Social_Media_Report_No_2.pdf

- [6] *Данные опроса населения России*. URL: [http:// gifter.ru](http://gifter.ru)
- [7] *Опрос Левада-центра: митинговая активность 2013 года*. URL: <http:// www.levada.ru/18-07-2013/protestnyie-nastroeniya-rossiyan>
- [8] Панченко Е. *Митинги «За честные выборы»: Протестная активность в социальных сетях*. URL: <http://www.digital icons.org/issue07>
- [9] Kolata G. *Veiled Messages of Terrorists May Lurk in Cyberspace* (англ.), The New York Times, 30 October 2001. URL: <http://marc.info/?l=cryptography&m=100445684908223&w=>
- [10] Багдасарьян Н.Г. Культурные риски и проблема ответственности в электронных коммуникациях. *Интернет-Культура-Этика. Материалы VIII Энгельмейеровских чтений*. Москва — Дубна, 2006 г. Н.Г. Багдасарьян, В.Л. Силаева, ред. Москва, 2006, с. 210–2014.
- [11] Барабанов А.В., Марков А.С., Цирлов В.Л. Методический аппарат оценки соответствия автоматизированных систем требованиям безопасности информации. *Спецтехника и связь*, 2011, № 3, с. 48–52.
- [12] Басараб М.А., Вельц С.В. Нейросетевой подход к иерархическому представлению компьютерной сети в задачах информационной безопасности. *Инженерный журнал: наука и инновации*, 2013, № 2 (14), с. 24.
- [13] Матвеев В.А., Медведев Н.В., Троицкий И.И., Цирлов В.Л. Состояние и перспективы развития индустрии информационной безопасности Российской Федерации. *Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана, Сер. «Приборостроение»*, 2011, спецвып. «Технические средства и системы защиты информации», с. 3–6.
- [14] Марков А.С., Фадин А.А. Систематика уязвимостей и дефектов безопасности программных ресурсов. *Защита информации. Инсайд*, 2013, № 3, с. 56–61.
- [15] *Список экстремистских организаций, публикуемый Министерством юстиции России*. URL: <http://minjust.ru/ru/activity/databases>

Статья поступила в редакцию 17.06.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Багдасарьян Н.Г., Титов Р.В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 4. <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/193.html>

Багдасарьян Надежда Гегамовна — д-р филос., наук, канд. ист. наук, профессор кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Академик РАЕН, почетный работник высшего образования РФ. Область исследований: философия и социология образования, глобальных процессов, техники и инженерной деятельности; культурология как научная и учебная дисциплина: определение предметного поля, структуры и логики; история, философия и методология науки; языки межкультурной коммуникации. e-mail: ngbagda@mail.ru

Титов Роман Владимирович родился в 1995 г. Студент кафедры «Информационная безопасность» МГТУ им. Н. Э. Баумана (с 2012 г.). Область научных интересов: виртуальная реальность, интернет, социальные сети, политические движения, информационные технологии, информационная безопасность. e-mail: titov.romman@yandex.ru

Protest potential of social networks: opportunities and risks

© N.G. Bagdasaryan, R.V. Titov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow 105005, Russia

Virtual network structure: is it a path to the civil society or social risk factor? Answering this question, the authors attempted to understand social networks as a platform for real and virtual mobilization of citizens expressing protest activity; appreciated opportunities and risks of the platform; proposed some definite steps to solve the problem of illegal political organizations conducting propaganda activities on the Internet.

Keywords: *Internet, information technology, communication, propaganda, protest, network structure, network communities, social groups, social networks, electronic technology.*

REFERENCES

- [1] Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture] (in Russian). Moscow, HSE Publ., 2000.
- [2] Ivnitky V.A. *Teoriya setei massovogo obsluzhivaniya* [Theory of queuing networks]. Moscow, 2004.
- [3] Bondarenko S.V. *Sotsial'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv* [Social structure of virtual network communities]. Rostov-na-Donu, Rostov Univ. Publ., 2004, pp. 196–210.
- [4] Voiskunsky A.E., ed. *Gumanitarnye issledovaniya v Internete* [Humanities research on the Internet]. Moscow, Mozhaisk-Terra Publ., 2000.
- [5] *Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter*, 2011. Available at: www.dsg.ae/portals/3/DSG_Arab_Social_Media_Report_No_2.pdf
- [6] *Dannye oprosa naseleniya Rossii* [The survey data of the Russian population]. Available at: <http://gefter.ru/>
- [7] *Opros Levada-tsentra: mitingovaya aktivnost' 2013 goda* [The Levada Center survey: rallies activity in 2013]. Available at: www.levada.ru/18-07-2013/protestnye-nastroeniya-rossiyan
- [8] Panchenko E. *Mitingi «Za chestnye vybory»: Protestnaya aktivnost' v sotsial'nykh setyakh* [Rallies "For Fair Elections": Protest activity in social networks]. Available at: <http://www.digitalicons.org/issue07/>
- [9] Kolata G. Veiled Messages of Terrorists May Lurk in Cyberspace, *The New York Times* (20 October 2001). Available at: <http://marc.info/?l=cryptography&m=100445684908223&w=>
- [10] Bagdasaryan N.G. Kul'turnye riski i problema otvetstvennosti v elektronnykh kommunikatsiyakh [Cultural risks and liability issue in electronic communications]. *Internet–Kul'tura–Etika* [Internet–Culture–Ethics]. *Materials of VIII Engelmeier readings*. Moscow–Dubna, 2006. N.G. Bagdasaryan, V.L. Silaeva, eds. Moscow, 2006, pp. 210–2014.
- [11] Barabanov A.V., Markov A.S., Tsirlov V.L. *Spetstekhnika i svyaz' — Special Equipment and Communication*, 2011, no. 3, pp. 48–52.
- [12] Basarab M.A., Vel'ts S.V. *Inzhenernyi zhurnal: nauka i innovatsii — Engineering Journal: Science and Innovation*, 2013, no. 2 (14), p. 24.
- [13] Matveev V.A., Medvedev N.V., Troitsky I.I., Tsirlov V.L. *Vestnik MGTU im. N.E. Baumana, Seriya Priborostroenie — Bulletin of Bauman Moscow*

State Technical University, Series "Engineering", special issue "Technical means and information security systems", 2011, pp. 3–6.

- [14] Markov A.S., Fadin A.A. Sistematika uyazvimostei i defektov bezопасnosti programmnykh resursov [Systematics of vulnerabilities and security defects of program resources]. *Zashchita informatsii. Insaïd — Information Security. Inside*, 2013, no. 3, pp. 56–61.
- [15] *Spisok ekstremistskikh organizatsii, publikuemyi Ministerstvom yustitsii Rossii* [List of extremist organizations, published by the Ministry of Justice]. Available at: <http://minjust.ru/ru/activity/databases>

Bagdasaryan N.G., Dr. Sci. (Philos.), Ph.D., Professor of the Sociology and Culturology Department at Bauman Moscow State Technical University. Academician of RAS, honorary worker of higher education of the Russian Federation. Research interests include: philosophy and sociology of education, global processes, technology and engineering activities; cultural studies as a scientific and academic discipline: determining the subject field, structure and logic; history, philosophy and methodology of science; languages of intercultural communication. e-mail: ngbagda@mail.ru

Titov R.V. (b. 1995), a 3rd year student of the Information Security Department at Bauman Moscow State Technical University. Research interests include: virtual reality, the Internet, social networks, political movements, information technology, information security. e-mail: titov.romman@yandex.ru